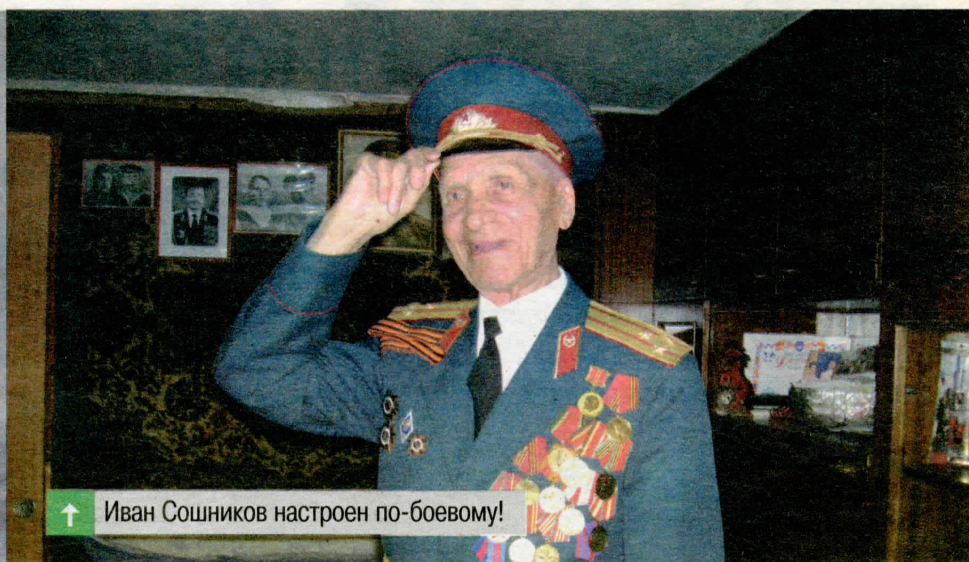

↑ Танкист Сошников с братом (слева). 1943 год

↑ Иван Сошников настроен по-боевому!

Дошел до Берлина

Участник штурма Берлина полковник Иван Сошников помнит легендарную наступательную операцию как вчера.

Когда началась война, Ивану Павловичу Сошникову было всего 15 лет, он только закончил семилетку в своем селе в Нижегородской области. «Вручили» в тот тяжелый год пятнадцатилетнему подростку лошадь, на которой приходилось возить строительный материал за 20 километров. В райцентре строили аэродром и копали противотанковые рвы. Так, в постоянном труде днем и ночью прошло два года.

УЧИЛИСЬ В БОЮ

В 1943 году Ивана Сошникова забрали в армию. «Направили меня в город Киров, во второй танковый полк, - вспоминает Иван Павлович. - Три месяца я учился на механика-водителя. Мы уже были готовы ехать на фронт, но вдруг нас перебросили в другой дивизион - изучать артиллерийскую пушку. Проучился я еще несколько месяцев, после чего стал заряжающим. Мы получили самоходки и нас отправили на 3-й Украинский фронт. В первом же бою наш полк был разбит: механик-водитель убит сразу, много наших ребят полегло, я чудом остался жив».

Уже через несколько дней в разбитую фашистами часть из истребительно-противотанкового полка пришли за пополнением. Оставшихся в живых солдат отправили на 1-й Белорусский фронт. Полк двигался по западной Белоруссии на американских автомобилях «студебеккерах», самом мощном транспортном средстве времен Второй мировой войны. Впереди была цель - захват плацдарма на реке Висла.

«Наш полк занял оборону, а меня направили в зону управления батареи разведчиком, - продолжает ветеран. - Выкопал я траншею, залез в нее и стал наблюдать за противником. А перед самым наступлением был дан приказ «Огонь». Где-то минут сорок мы вели бой с противником, стволы пушек нагревались докрасна, все снаряды были израсходованы. Мы стали ждать, когда подвезут новые снаряды, чтобы уже идти в наступление (Висло-Одерское)».

Висло-Одерская операция - стратегическое наступление советских войск на правом фланге советско-германского фронта в 1945 году. Операция вошла в военную историю человечества как самое стремительное наступление: на протяжении 20 суток советские войска продвигались на расстояние от двадцати до тридцати километров в день. За это время было преодолено семь укрепленных рубежей противника и две крупные водные преграды. В ходе Висло-Одерской операции от немецких войск была очищена территория Польши к западу от Вислы и захвачен плацдарм на правом берегу Одера, использованный впоследствии при наступлении на Берлин. Но все это будет позже, а пока

артиллерист Иван Сошников следовал за танковым корпусом и безоговорочно выполнял приказы.

ДОРОГА НА БЕРЛИН

«Варшаву мы быстро прошли: танки впереди, а мы, артиллеристы, сзади, - продолжает Иван Павлович. - Заняли мы как-то очередную оборону в лесу. Впереди река Одер, там как раз шли бои за переправу. Мы сидим в траншее и видим - прямо навстречу нам едет машина, а в ней фашисты. На капоте автомобиля была красная звезда, мы сначала подумали, что наши едут. Пока мы сообразили, что это немцы ведут разведку, они мимо нас проехали. Мы даже пушку зарядить не успели. А следующая артиллерийская пушка наша стояла метров через триста. Вот они как пальнули по фашистам! Двое немцев в живых остались, бросились бежать, их в плен взяли».

Поехали мы дальше - на север Германии, впереди город Штеттин. Тяжело очень было: проедешь километров десять, останавливаешься, пушки снимаешь, окапываешься. Без упора пушкам нельзя вести огонь. Бывает, не выстрелишь ни разу, пушку снимаешь и дальше едешь.

Вдруг колонну догнал командир артиллерии, остановил ее и кричит, что впереди строчит немецкий пулемет и расстреливает наших солдат. Колонна остановилась, засекли, откуда стреляет вражеский пулеметчик, сняли пушку и выстрелили по нему. Пушку окопать не успели, и наводчик получил удар щитком по лицу. Да так сильно, что лицо превратилось в кровавое месиво.

Шел март 1945 года. До легендарной битвы за Берлин оставалось чуть больше месяца. Наша часть шла через лес, отдыхать было некогда, советские войска стремились дальше». Иван Павлович помнит, как в одном немецком лесу их поразили дороги. Между деревьями были почему-то не тропинки, а бетонированные дороги. Только потом, гораздо позже, артиллерист Иван Сошников узнал, что в этом лесу под землей был немецкий военный завод, на котором выпускались патроны и другое вооружение. Через пару дней часть расположилась на опушке леса. Только советские войска заняли оборону, как немецкие войска открыли огонь.

«Мы с солдатом лежали на земле, голова к голове, - рассказывает Иван Павлович. - Крутом грохот, залпы орудий, копот. Только я хотел что-то прокричать парню, как его мозги шлепнулись мне прямо на руку. Мне осколок снаряда попал в ногу. А рядом старшина лежал, так ему обе ноги оторвало. Я побежал, чувствую - ноги жжет и сознание теряю».

После недельной передышки в полевом госпитале Иван Сошников отправился догонять свою дивизию, которая

уже пересекла немецко-польскую границу. Часть заняла оборону на правом берегу реки Одер.

«Нам был очень хорошо виден небольшой городок на том берегу реки, - продолжает рассказ ветеран. - Было даже видно, как паровозы туда-сюда ездили, люди ходили. Мы по прямой наводке через реку обстреливали город. После чего всю нашу дивизию отправили на двухнедельный отдых - перед подготовкой наступления на Берлин».

СТЕНА ОГНЯ И ПЫЛИ

Иван Павлович навсегда запомнил одно раннее утро, когда до Берлина оставалось километров восемьдесят. По его словам, забыть такое невозможно, даже если прошло уже 65 лет. Безлунная, темная ночь. Батарея стоит на прямой наводке, готовая к стрельбе. «Сидим в блиндаже без огня, никто не спит, - говорит Иван Павлович. - Уже четыре утра, огневые точки немцев засечены, поэтому был дан приказ начать артиллерийскую подготовку. Сплошное море огня, сотрясение воздуха было настолько сильным, что через несколько минут я стал ощущать гул в ушах. Минут тридцать мы вели огонь с противником, потом был поднят вертикальный огненный снаряд прожектора - сигнал, который означал: прекратить артиллерийскую подготовку. Прожекторы освещали местность, помогали пехоте и танкам ориентироваться, впереди и сзади нас по фронту стояли прожекторы, вытянув свои лучи в сторону противника. Но над позициями врага стояла такая плотная стена пыли и дыма, что разглядеть что-то было невозможно. Пошли танки, мы за ними. Чуть раньше нас предупредили - не оглядываться, а то прожекторы ослепят и нас».

25 апреля советские войска ворвались в Берлин. 1-й Украинский фронт форсировал реку Хафель и соединился с армией 1-го Белорусского фронта, замкнув тем самым кольцо окружения вокруг Берлина.

«Эти бои в кварталах Берлина - самые жуткие. 27 апреля мы уже были в центре города. Пехота командовала, какие здания надо разрушить, а мы по прямой наводке бомбили. Площади, парки, дома - все громили. Помню, зашли в один парк, а там, видимо, раньше зоопарк был. Видим, клетки открыты, а по парку бегает зверье: тигры, львы. Видимо, до нас его разгромили. Но нам не до этого тогда было, хотя сейчас смешно вспоминать».

Однажды командир дивизиона завел часть прямо к немцам. Солдаты попали в засаду - под шквальный пулеметный огонь. «Надо было нам соседней улицей ехать, а не этой, - вздыхает Иван Сошников. - Как он так мог ошибиться? Мы сразу потеряли человека пятнадцать, машины наши подбили, снаряды взрываться стали, мы все выбежали - и в дом. Я спрятался за дерево, кругом

пули, асфальт откалывается. Земляк мой, мальчишка молодой совсем, побежал ко мне и... прямое попадание в голову. Он прямо ко мне под ноги упал. Старшина кричит мне из подъезда, чтобы я к ним бежал, ну, я в три прыжка - и к ним. Под пулями. Нас тогда человек пять в живых осталось».

Иван Павлович вспоминает, как однажды, в самый разгар боя, батарея получила задачу открыть огонь прямой наводкой по окнам дома, в котором засели немцы. Чтобы выполнить приказ, необходимо было перетащить пушки через простреливаемую улицу. Был выбран момент, когда немецкий огонь стал реже, и, опять под пулями, стали перекатывать пушки одну за другой.

Бои шли, не прекращаясь. По словам ветерана, все дни как будто слились в большой и длинный, один-единственный день. Картина одна и та же: тяжелые снаряды со скрежетом несутся в воздух, боевая машина окутывается пылью. Впереди сверкают молнии, гремят тяжкие взрывы. Крутом клубы пыли, крики и вспышки.

«30 апреля мы не спали совсем: целые сутки, и день, и ночь вели огонь. У пушек краска со стволов уже сторела, снаряды не долетали до цели. Пришлось передышку делать. Через день, 2 мая вдруг был дан приказ прекратить огонь».

Еще одну картину Иван Сошников не может забыть и по сей день: как мимо них по улицам шли сдавшиеся немцы. Они бросали оружие, поднимали руки и шли... Сотни, тысячи побежденных врагов. В ночь с 8 на 9 мая радисты приняли радиogramму, что Германия капитулировала. «Помню, как утром все вскочили и стали стрелять из всякого оружия, у кого что было. Победа, Победа, Победа. Ох и грохот стоял...»

После окончания войны Иван Сошников остался в Германии. Окончил курсы шоферов, потом курсы младших лейтенантов. Несколько лет работал на одном немецком заводе - демонтировал и переправлял в Советский Союз оборудование. На родину Иван Сошников вернулся только в 1948 году. Женился, вырастил двух сыновей, дослужился до звания полковника. Как военному, пришлось Ивану Павловичу поколесить по всей стране, служил в Новосибирске, в Свердловске. А в 1981 году переехал в Тольятти. Несколько лет назад Иван Сошников ездил с делегацией в город-побратим Вольфсбург, побывал в местах боевой славы. Правда, жалеет, что не удалось попасть в Берлин. «Наверное, уже и не побываю, хотя всю жизнь мечтал, - вздыхает Иван Павлович. - Ну что ж, значит, не судьба. Но я все равно счастлив, потому что дожил до такой даты - 65-летие Великой Победы. Каждый год я с нетерпением жду 9 мая, чтобы сходиться на площадь Свободы и встретиться с такими же стариками, как и я».

Юлия Хижняк